

ЧЕРНАЯ И БЕЛАЯ МАГИЯ В ДРЕВНОСТИ (С ЕЁ ПОЛНЫМ РАЗОБЛАЧЕНИЕМ)

Сарматские жрицы, готские ведьмы и славянские оборотни
Откушенная рука Тюра и волк Фенрир на седле
Святынища Крыма
Магические лунницы, амулетницы и чернильницы
Люди и собаки в погребальном контексте

Ответственный редактор — Михаил М. Казанский

ISSN: 1857-3533

Stratum plus. No. 4.
Archaeology and Cultural Anthropology

Black and White Magic in Antiquity (fully dispelled)

Sarmatian priestesses, Gothic witches and Slavic werewolves
The lost hand of Tyr and the Fenrir wolf on the saddle
Sanctuaries of the Crimea
Magic lunulae, amulet-boxes and inkwells
Humans and dogs in the funerary context

Editor-in-Charge — Michel M. Kazanski

Saint Petersburg. Kishinev. Odesa. Bucharest.
2022

Stratum plus. Nr. 4.
Arheologie și antropologie culturală

Magia neagră și albă în vechime (cu demascarea ei totală)

Preotesele sarmatice, vrăjitoarele gotice și vârcolacii slavi
Mâna mușcată al lui Tyr și lupul Fenrir în șa
Sanctuarele Crimeii
Lunulele, amuletele și călimarele magice
Oameni și câini în context funerar

Redactor responsabil — Michel M. Kazanski

Sankt Petersburg. Chișinău. Odesa. București.
2022

СОДЕРЖАНИЕ

ЖРИЦЫ, ВЕДЬМЫ И ОБОРОТНИ

- М. В. Кривошеев (*Волгоград, Россия*). О связи сакрального и социального устройства в савромато-сарматских культурах 15
- Е. В. Вдовченко, М. А. Петров (*Ростов-на-Дону, Россия*). Сарматские культы и общество сарматов 23
- Я. Е. Беспальчикова (*Санкт-Петербург, Россия*). *Haliurunna* в *Getica* Иордана: традиция, реальность и ее конструирование 35
- П. В. Шувалов (*Санкт-Петербург, Россия*). Задунайская жертва. К вопросу о верованиях раннего славянства 43

МАГИЧЕСКИЕ СИМВОЛЫ, ЗНАКИ И ФИГУРЫ

- М. М. Чореф (*Нижневартовск, Россия*). Тамги на драхмах Рескупорида IV как источник исторической информации 59
- К. Н. Скворцов (*Калининград, Россия*). Потерянная рука Тюра, волк Фенрир и другие: изображения на серебряной обкладке луки седла рубежа V/VI в. с могильника Шоссейное 71
- Р. В. Терпиловский, Я. В. Володарец-Урбанович (*Киев, Украина*). Соляренный символ в жизни древних славян 93

МАГИЧЕСКИЕ МЕСТА

- Д. А. Масюта (*Одесса, Украина*), Е. С. Лесная (*Саратов, Россия*). Святилище римского времени Бия-Сала в Юго-Западном Крыму 111
- Ю. П. Зайцев, И. И. Шкрибляк (*Симферополь, Крым*). Святилище римского времени на горе Кара-Тау в Предгорном Крыму 129

МАГИЧЕСКИЕ ВЕЩИ

- А. В. Мастыкова (*Москва, Россия*). Женские амулеты в форме лунниц из золотой проволоки в некрополе римского времени Фронтное 3 (Юго-Западный Крым) 151
- И. А. Сапрыкина (*Москва, Россия*), Э. А. Хайрединова (*Симферополь, Крым*), С. Е. Кичанов, А. В. Руткаускас, Н. М. Белозёрова, Д. П. Козленко (*Дубна, Россия*). Золотые амулетницы и их содержимое из раскопок могильника римского времени Фронтное 3 167

А. Н. Подушкин (<i>Шымкент, Казахстан</i>). Знатный кангюец на охоте	183
А. А. Труфанов (<i>Симферополь, Крым</i>). Детали римских бронзовых чернильниц из Усть-Альминского некрополя (Юго-Западный Крым)	209
Э. А. Хайрединова (<i>Симферополь, Крым</i>). Украшения-апотропеи в женском костюме крымских готов	225

МАГИЯ ЗАГРОБНОГО МИРА

В. Белевец (<i>Варшава, Польша</i>). Погребения с нетипичными элементами обрядности на могильнике вельбарской культуры Петровичи в Беларуском Побужье . .	251
И. Н. Храпунов, А. А. Стоянова (<i>Симферополь, Крым</i>). Люди и собаки в одной могиле: жертвенно-погребальный комплекс из могильника Опушки в Крыму	265
М. М. Казанский (<i>Париж, Франция</i>). Два погребения Агтилы: археологические реалии	275
В. А. Борзунов (<i>Екатеринбург, Россия</i>). Древнейшие погребения элиты обских угров (богатыри и шаманы кулайской эпохи Сургутского и Нижнего Приобья) . .	287
У. У. Умиткалиев (<i>Нур-Султан, Казахстан</i>), Л. В. Лбова (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>), К. А. Исаков, А. Т. Жанисов, П. Б. Мусырманкул, Д. Т. Тлеугабулов (<i>Нур-Султан, Казахстан</i>). Легенды об огненных конях: преемственность погребально- поминальных традиций в культурах кочевых народов Евразии	333

ДИСКУССИИ, ПАМЯТНИКИ, ТЕКСТЫ

М. В. Любичев (<i>Харьков, Украина</i>). Ранняя история: о реконструкции культурных и исторических процессов римского времени в днепро-донецкой лесостепи . .	349
А. А. Строков, Н. И. Шишлина, Н. В. Леонова (<i>Москва, Россия</i>). Погребение среднесарматской культуры курганного могильника Песчаный IV: результаты сравнительно-типологического, радиоуглеродного и изотопного исследований	365
А. К. Нефёдкин (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>). «Изыскание» Урбикия	385

Список сокращений	395
-----------------------------	-----

Авторам <i>Stratum plus</i>	399
---------------------------------------	-----

C O N T E N T S

PRIESTESSES, WITCHES AND WEREWOLVES

- M. V. Krivosheev** (*Volgograd, Russian Federation*). **A Study on the Connection between Sacred and Social Order in Sauromat-Sarmatian Cultures** 15
- E. V. Vdovchenkov, M. A. Petrov** (*Rostov-on-Don, Russian Federation*). **Sarmatian Cults and Sarmatian Society** 23
- Ya. E. Bepalchikova** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). ***Haliurunna* in Jordanes's *Getica: Tradition, Reality and its Construction*** 35
- P. V. Shuvalov** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **Transdanubian Sacrifice. On the Question of the Beliefs of the Early Slavs** 43

MAGIC SYMBOLS, SIGNS AND FIGURES

- M. M. Choref** (*Nizhnevartovsk, Russian Federation*). **Tamgas on Drachmas of Rhescuporis IV as a Source of Historical Information** 59
- K. N. Skvortsov** (*Kaliningrad, Russian Federation*). **“The Lost Hand of Tyr, the Wolf Fenrir and Others”. Images on the Silver Lining of the Saddlebow dated by the Turn of the 5th—6th Century from the Shosseinoe Burial Ground** 71
- R. V. Terpilovskij, Ya. V. Volodarets-Urbanovich** (*Kyiv, Ukraine*). **Solar Symbol in the Life of the Ancient Slavs** 93

MAGIC PLACES

- D. A. Masyuta** (*Odesa, Ukraine*), **E. S. Lesnaya** (*Saratov, Russian Federation*). **Biya-Sala Sanctuary of the Roman Time in the South-Western Crimea** 111
- Yu. P. Zaytsev, I. I. Shkribliak** (*Simferopol, Crimea*). **Sanctuary of Roman Time on the Kara-Tau Mount in Piedmont Crimea** 129

MAGIC THINGS

- A. V. Mastykova** (*Moscow, Russian Federation*). **Female Lunulae Amulets Made of Gold Wire in the Roman Time Necropolis Frontovoe 3 (South-Western Crimea)** . . . 151
- I. A. Saprykina** (*Moscow, Russian Federation*), **E. A. Khairedinova** (*Simferopol, Crimea*), **S. E. Kichanov, A. V. Rutkauskas, N. M. Belozero, D. P. Kozlenko** (*Dubna, Russian Federation*). **Golden Amulet-boxes and their Contents from the Excavations of the Roman Time Burial Ground Frontovoe 3** 167

A. N. Podushkin (<i>Shymkent, Kazakhstan</i>). A Noble Kangju Citizen Hunting	183
A. A. Trufanov (<i>Simferopol, Crimea</i>). Details of Roman Bronze Ink Wells from Ust'-Alma Necropolis (South-Western Crimea)	209
E. A. Khairedinova (<i>Simferopol, Crimea</i>). Jewelry Apotropaia in a Female Costume of the Crimean Goths	225

MAGIC OF THE AFTERLIFE

V. Beliaevets (<i>Warsaw, Poland</i>). Burials with Unusual Ritual Elements in the Cemetery of the Wielbark Culture in Piotrovichi on the Belarusian Bug River Basin	251
I. N. Khrapunov, A. A. Stoyanova (<i>Simferopol, Crimea</i>). Humans and Dogs in the Same Grave: A Sacrificial and Burial Complex of the Opushki Cemetery in the Crimea	265
M. M. Kazanski (<i>Paris, France</i>). Two burials of Attila: archaeological realities	275
V. A. Borzunov (<i>Yekaterinburg, Russian Federation</i>). Ancient Burials of the Ob' Ugrians' Elite (Bogatyr and Shamans of the Kulayka Epoch of the Surgut Ob' and Lower Ob' region)	287
U. U. Umitkaliev (<i>Nur-Sultan, Kazakhstan</i>), L. V. Lbova (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>), K. A. Iskakov, A. T. Zhanissov, P. B. Mussyrmankul, D. T. Tleugabulov (<i>Nur-Sultan, Kazakhstan</i>). Legends about Fiery Horses: Succession of Funerary and Memorial Traditions in the Eurasian's Nomadic Peoples Cultures	333

DISCUSSIONS, LANDMARKS, TEXTS

M. V. Lyubichev (<i>Kharkiv, Ukraine</i>). Early History: About the Reconstruction of Cultural and Historical Processes of the Roman Time in the Dnieper-Donets Forest-Steppe	349
A. A. Stokov, N. I. Shishlina, N. V. Leonova (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Middle-Sarmatian Culture Burial from the Peschany IV Barrow Cemetery: Results of the Comparative-Typological, Radiocarbon and Isotope Analysis	365
A. K. Nefedkin (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). Urbicius's Epitaph	385
Abbreviations	395
Submissions	399

В. Белевец

Погребения с нетипичными элементами обрядности на могильнике вельбарской культуры Петровичи в Беларуском Побужье

Keywords: Vistula river basin, Roman period, Wielbark Culture, funerary rite, apotropaic magic

Cuvinte cheie: bazinul r. Vistula, perioada romană, cultura Wielbark, rit funerar, magie apotropaică

Ключевые слова: бассейн р. Вислы, римский период, вельбарская культура, погребальный обряд, апотропеическая магия

V. Beliavets

Burials with Unusual Ritual Elements in the Cemetery of the Wielbark Culture in Piatrovichi on the Belarusian Bug River Basin

Research on the biritual cemetery in Piatrovichi brought 53 inhumation graves, 42 cremation graves and one “biritual” burial. Four inhumation graves bear traces of re-opening. They were considered in the context of the discussion on the dissemination of “anti-vampire magic” among historical Goths and complex rituals related to the commemoration of ancestors. On the example of two other inhumation graves, elements of funerary rituals, untypical for the Wielbark culture, are analyzed. A flint arrowhead dated to the Late Neolithic or Bronze Age was found in grave 23 with the remains of an *Infans I* (5—6 years old) child. It was originally placed in mouth or hung around the neck. The find was interpreted as a talisman associated with widespread among Indo-European peoples, including ancient Germans, beliefs in the magical power of the “thunder arrow” — a weapon of thunder god. In grave 61, dated to phase B₂/C₁–C_{1a} of the Roman Period, probably also child’s burial, small stones with traces of burning were found. This rite is widespread in the Chernyakhov culture, where it is considered a tradition of indigenous population. The dating of grave 61 and the earliest burials of the Masłomęcz group, in which this ritual element has been registered, indicates that historical Goths established relations with the people of the northern Black Sea region at the turn of the 2nd and 3rd centuries — in the time preceding the “Scythian wars” (around 238—270) and the formation of the Chernyakhov culture.

V. Beliavets

Morminte cu elemente de rit atipice în necropola culturii Wielbark pe Bugul din Belarus

Necropola Piatrovichi are un caracter biritual: aici au fost studiate 53 de înhumății, 42 de incinerății și un mormânt „biritual”. Patru înhumății au fost deranjate în vechime. Ele sunt analizate în contextul discuției despre răspândirea la goții istorici a așa-numitelor „magii antivampirice” și a ritului complicat legat de pomenirea strămoșilor. Pe exemplul a altor două înhumății sunt analizate elementele de rituri funerare atipice pentru cultura Wielbark. În mormântul 23 cu scheletul unui copil de vârstă *infans I* (5—6 ani) a fost găsit un vârf de săgeată de silex din epoca neoliticului târziu sau epoca bronzului. El a fost depus în gură sau inițial a fost atârnat pe gât și este interpretat drept talisman, pus în legătură cu credințele răspândite printre popoarele indo-europene, inclusiv străvechii germanici, despre forța magică a „săgeții tunetului” — arma zeului-tunet. În mormântul 61, probabil tot de copil, datat în faza B₂/C₁–C_{1a} a perioadei romane, sunt găsite pietricele nu prea mari cu urme de acțiune termică. Acest rit este răspândit pe larg în cultura Cherniakhov, unde el este considerat drept tradiție a populației din substrat. Datarea mormântului 61 și a înmormântărilor mai timpurii ale grupului Masłomęcz cu acest element de rit sunt mărturie că goții istorici au întreținut legături cu populația din nordul Mării Negre chiar de la limita sec. II și III — înainte de începutul „războaielor scitice” (circa anii 238—270) și constituirea culturii Cherniakhov.

В. Белевец

Погребения с нетипичными элементами обрядности на могильнике вельбарской культуры Петровичи в Беларуском Побужье

Могильник Петровичи имеет биритуальный характер: здесь изучены 53 ингумации, 42 кремации и 1 «биритуальное» погребение. 4 ингумации были потревожены в древности. Они рассматриваются в контексте дискуссии о распространении у исторических готов т.н. «антивампирической магии» и сложной обрядности, связанной с поминовением предков. На примере двух других ингумаций анализируются нетипичные для вельбарской культуры элементы погребальных обрядов. В могиле 23 с останками ребёнка в возрасте *infans I* (5—6 лет) найден кремнёвый наконечник стрелы эпохи позднего неолита или бронзового века. Он был положен в рот или первоначально подвешен на шее и трактуется как

талисман, связанный с распространёнными среди индоевропейских народов, в том числе древних германцев, верованиями в магическую силу «громовой стрелы» — оружия бога-громовержца. В погребении 61, датированном фазой B_2/C_1-C_{1a} римского времени, вероятно также детском, найдены небольшие камни со следами термического воздействия. Этот обряд широко распространён в черняховской культуре, где он рассматривается как традиция субстратного населения. Датировка могилы 61 и наиболее ранних погребений масломенской группы с этим элементом обрядности свидетельствует, что исторические готы установили связи с населением Северного Причерноморья уже на рубеже II и III вв. — перед началом «скифских войн» (ок. 238—270 гг.) и сложением черняховской культуры.

Грунтовый могильник вельбарской культуры у д. Петровичи (бел. в. Пятровічы, Жабинковский р-н, Брестская обл.) находится примерно в 17 км к востоку от г. Брест, на левом берегу р. Осиповка при её впадении в Мухавец (правый приток Западного Буга) (карта 1). Памятник расположен в восточной части моренной песчаной гряды, в урочище «Белая Гора» — на холме, который возвышается на 5—6 м над уровнем местности. Примерно в 300-х метрах восточнее, вдоль берега р. Осиповки зафиксировано и неоднократно обследовалось небольшое (площадью ≈ 1 га) однокультурное селище, вероятно связанное с этим могильником. В конце 1970-х гг. при модернизации шоссе М-1 «Брест-Москва» практически вся площадь гряды была использована под песчаный карьер, который вскоре превратился в мелкое озеро.

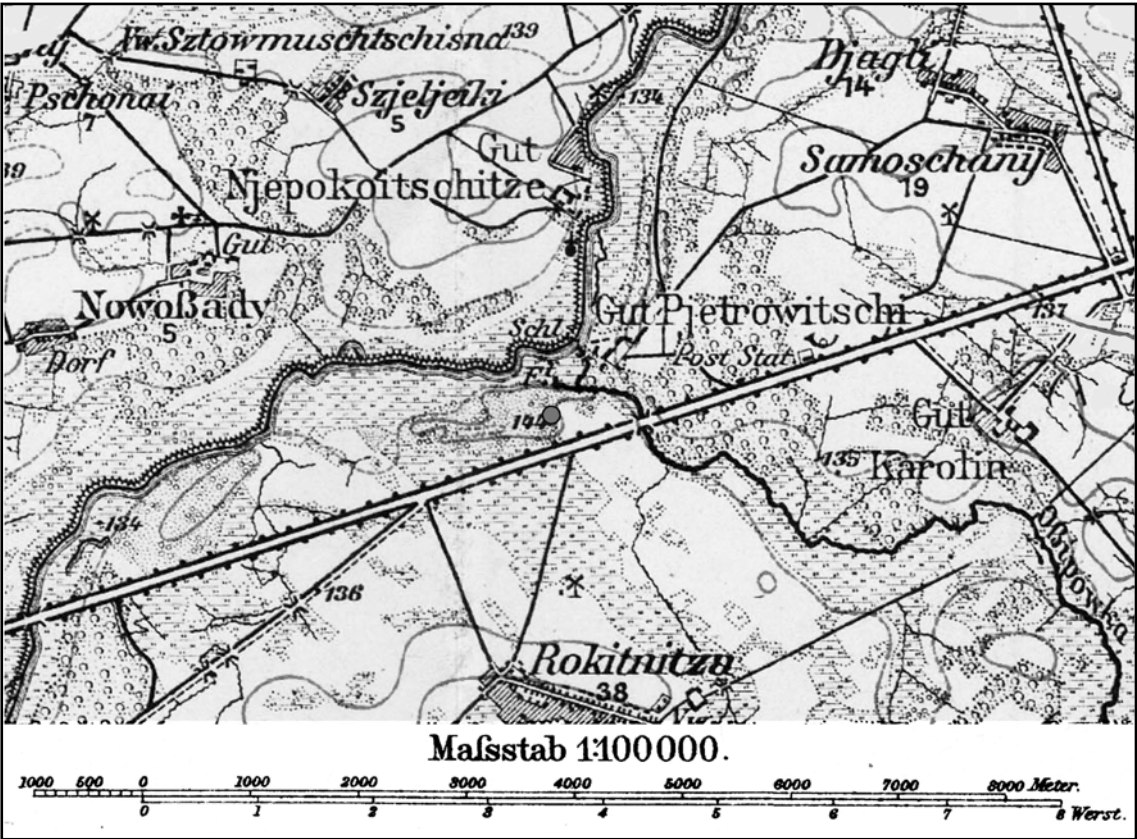
Могильник на Белой Горе с перерывами исследовался в течении 11-ти сезонов между 2000—2015 гг. На площади свыше 1600 м² изучено 96 погребений (рис. 1), общая датировка которых охватывает интервал от фазы B_2/C_1 по C_2 римского периода включительно, не исключая начала C_3 (т.е. приблизительно от 160/180 по 320/330 гг.). На протяжении всего времени изучения предполагалось, что памятник сильно повреждён. Лишь в последние дни раскопочной кампании 2015 г. стало очевидно, что он не был затронут дорожными работами, и, несмотря на разрушения в центральной части объектами конца XIX — первой половины XX в., сохранился достаточно полно и был изучен целиком. Таким образом, в настоящее время могильник в Петровичах является, пожалуй, единственным в Восточной Европе полностью исследованным погребальным памятником вельбарской культуры.

Могильник на Белой Горе имеет выразительный биритуальный характер: здесь изучены 53 ингумации, 42 кремации и 1 погребение, которое можно определить как «биритуальное» (см. Skóra 2015a) — в ходе засыпки ямы с ингумированным телом, туда были ссыпаны кремированные кости. Могильные ямы с ингумациями ориентированы по оси север—юг с сезонными отклонениями.

В тех случаях, когда в них сохранялись остатки скелетов, они были ориентированы головой на север. Исключением является погребение №47, яма которого располагалась по линии запад—восток с отклонением к северо-западу, что также не выходит за рамки нормы для вельбарских памятников (Natuniewicz-Sekuła 2007a; Skóra 2015b: 135—136). Характер погребального обряда резко отличает Петровичи от эталонного для Беларуского Побужья могильника в Брест-Тришине, где были зафиксированы только кремации (Кухаренко 1980; Белевец 2007а). Сравнительный анализ могильника на Белой Горе существенно обогащает представления о характере колонизационных процессов, сопровождавших экспансию исторических готов и гепидов на пути к землям современной Украины: он рисует образ гетерогенных по происхождению групп населения вельбарской культуры, чересполосно заселявших земли Побужья. Работа с материалами петровичского могильника, прежде всего с ингумациями, также даёт существенно большие возможности для наблюдений за элементами погребальной обрядности, неуловимыми при анализе погребений с кремациями, или для них не характерными. Это позволяет более объективно характеризовать погребальную обрядность населения вельбарской культуры в восточной части Прибужской равнины¹.

Среди изученных в Петровичах ингумаций присутствуют 4 погребения, которые в литературе предмета определяют как «открывавшиеся» — могильные ямы, разрытые частично или целиком, вероятнее всего уже вскоре после совершения в них погребений. Песчаный грунт урочища «Белая Гора» не способствует сохранности костей, что ограничивает возможности для наблюдений. Но очевидно, что такие действия сопровождалась разрушением и, вероятно, изъятием части скелетов. Так, в погребении №45 была вскрыта лишь северная половина могилы, череп погребённого,

¹ Комплексы, исследованные в 2000—2012 гг., уже публиковались, в том числе с обсуждением погребального обряда, см. Белявец 2006; Белевец 2007б: 310—330; Белявец 2014; 2016: 405—413.

Карта 1. Расположение грунтового могильника у д. Петровичи на карте начала XX в.

Map 1. Location of the cemetery near the village of Piatrovichi on the map of the early 20th century.

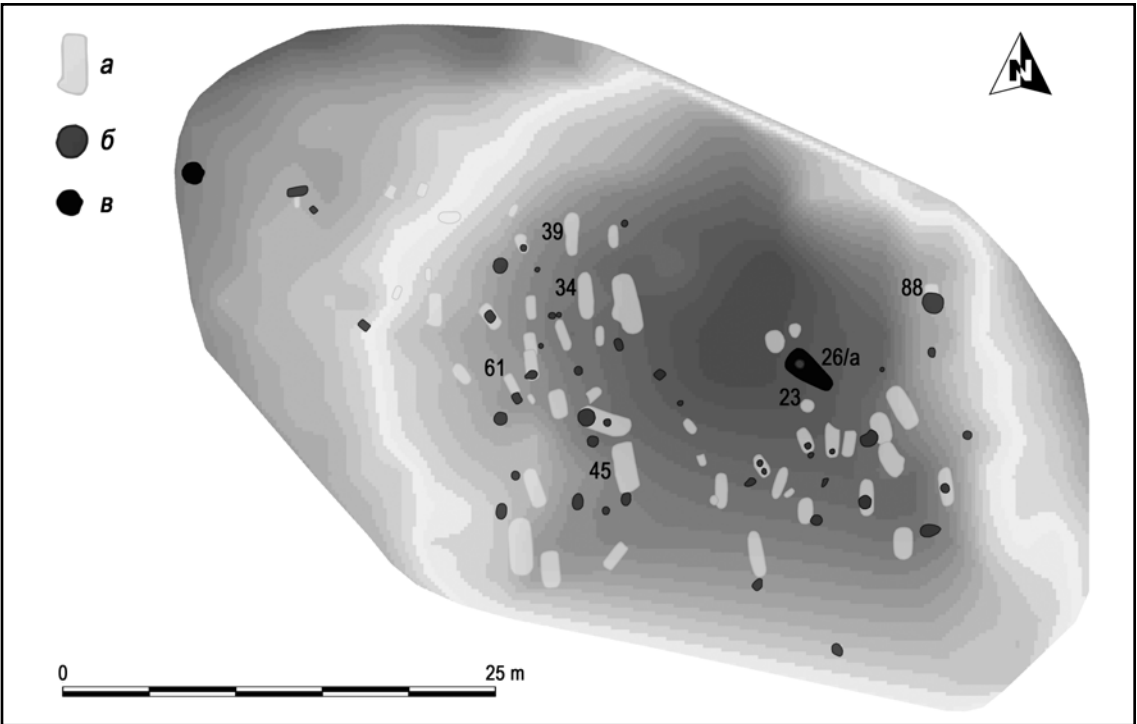

Рис. 1. План могильника Петровичи. Графическое оформление А. Цеслинский. Условные обозначения: а — ингумации; б — кремации; в — другие объекты могильника.

Fig. 1. Plan of the Piatrovichi cemetery. Graphic design A. Cieśliński. Legend: a — inhumations; b — cremations; c — other objects of the burial ground.

возраст и пол которого не поддаётся определению², был разбит и придавлен небольшим полевым камнем. Аналогичным образом было раскопано погребение 39 (возраст и пол погребённого также неопределим). В ингумации №34, где был погребён ребёнок в возрасте *infans II* (10—12 лет), вкоп нарушил практически всю яму за исключением её крайней северной части, где располагалась голова умершего. Его нижняя челюсть была переотложена, а остальная часть черепа залегала *in situ*. В погребении №88 изъятые в южной части ямы кости ребёнка в возрасте *infans I—II*, вероятно, были сожжены и повторно сыпаны в заполнение могилы. Точность, с которой совершались эти вкопы, специфические действия, которые их сопровождали, а также наличие в могилах переотложенного инвентаря, скорее, исключают намерение грабежа могил.

Подобные практики, связанные с раскапыванием могил и повреждением тел умерших, разрушением лицевой части черепа, отделением головы, челюстей и изъятием других частей скелета, широко известны в общности культур готского круга: вельбарской, черняховской/Сынтана-де-Муреш (*Sântana de Mureş*) культурах и масломенчской группе. В культуре вельбарской вскрытие погребений практиковалось с раннеримского времени. Позднее этот обычай вместе с группами мигрантов распространился с южных берегов Балтийского моря до Северного Причерноморья, где процентное соотношение нарушенных погребений на разных могильниках, в рамках регионов и хронологических этапов может существенно различаться (см.: Петраускас 2003: 114—117; Тилищак 2014, там более ранняя литература).

Практика нарушения могил находит достаточно широкий спектр интерпретаций. В некоторых случаях нельзя исключить мотив ограбления погребений. Такая трактовка опирается в том числе на материалы «клада» из Лубяны (*Łubiana*, gm. Kościerzyna, woj. pomorskie). Этот депозит из украшений, деталей костюма, обломков бронзовой посуды и элементов вооружения общей массой ≈ 19 кг, состоит из вещей, добытых в эпоху Великого переселения народов из погребений более ранних периодов (Mączyńska 2011). Вместе с тем, существуют убедительные аргументы в пользу того, что практика раскапывания могил от-

ражает также некую интегральную часть верований населения культур готского круга. Точность, с которой выполнялось раскапывание могил, порой в момент ещё не полного разложения мягких тканей, а также сопровождавшие эти вмешательства действия — изымание, уничтожение и, возможно, сожжение части костяков, — склоняют большинство исследователей к мнению о том, что здесь следует усматривать проявления специфических обрядовых действий. Предполагается, что эти практики коренятся в верованиях эпохи поздней бронзы и раннего железного века Западной и Центральной Европы, которые обобщённо определяют понятием т.н. «антивампирической магии»; они совершались соплеменниками погребённых и, вероятно, были связаны с широко распространёнными у древних кельтов и германцев верованиями во враждебную силу «живых мертвецов» (Tempelmann-Mączyńska 1992; Kokowski 1995: 60; 1997: 741—743; Мончинска 1997; Andrzejowski et al. 2002; Żórawska 2007; Skorupka 2008: 83; Skóra 2017). Высказываются и другие толкования: обычай изъятия из погребений частей костяков может отражать тесные эмоциональные связи родственников с умершими; допускается, что добытые из могильных ям части скелетов использовались в культах поминовения предков, которые могли носить в т.ч. форму эндоканнибализма (Żychliński 2015: 63—64; 2018: 199). Наконец, приводятся аргументы в пользу того, что по крайней мере в части подобных погребений мы можем сталкиваться с отражением сложной, многофазовой погребальной обрядности, включавшей на различных этапах манипуляции с телом умершего, трудные для реконструкции и объяснения (см. Kokowski 1987: 2—4; Olszta-Bloch 2011; Skóra 2014).

Среди погребений, изученных на петровицком могильнике, присутствует также несколько ингумаций, которые доносят до нас элементы обрядности, значительно реже отмечаемые на других памятниках вельбарской культуры. К ним следует отнести погребения №23 и №61, а также №59, на которых я хотел бы остановиться подробнее. Наблюдения над этими объектами проливают свет на особые обрядовые действия, вероятно связанные с магическими практиками населения вельбарской культуры и контактами внутри общности культур, соотносимых с историческими готами и гепидами.

Погребение №23. Расположено в восточной части могильника (рис. 1: 23; рис. 2). Верхняя часть заполнения ямы едва угадыва-

² Здесь и ниже приводятся результаты посткраниального антропологического анализа, выполненного М. Станашком, доктором хабилитат Варшавского археологического музея.

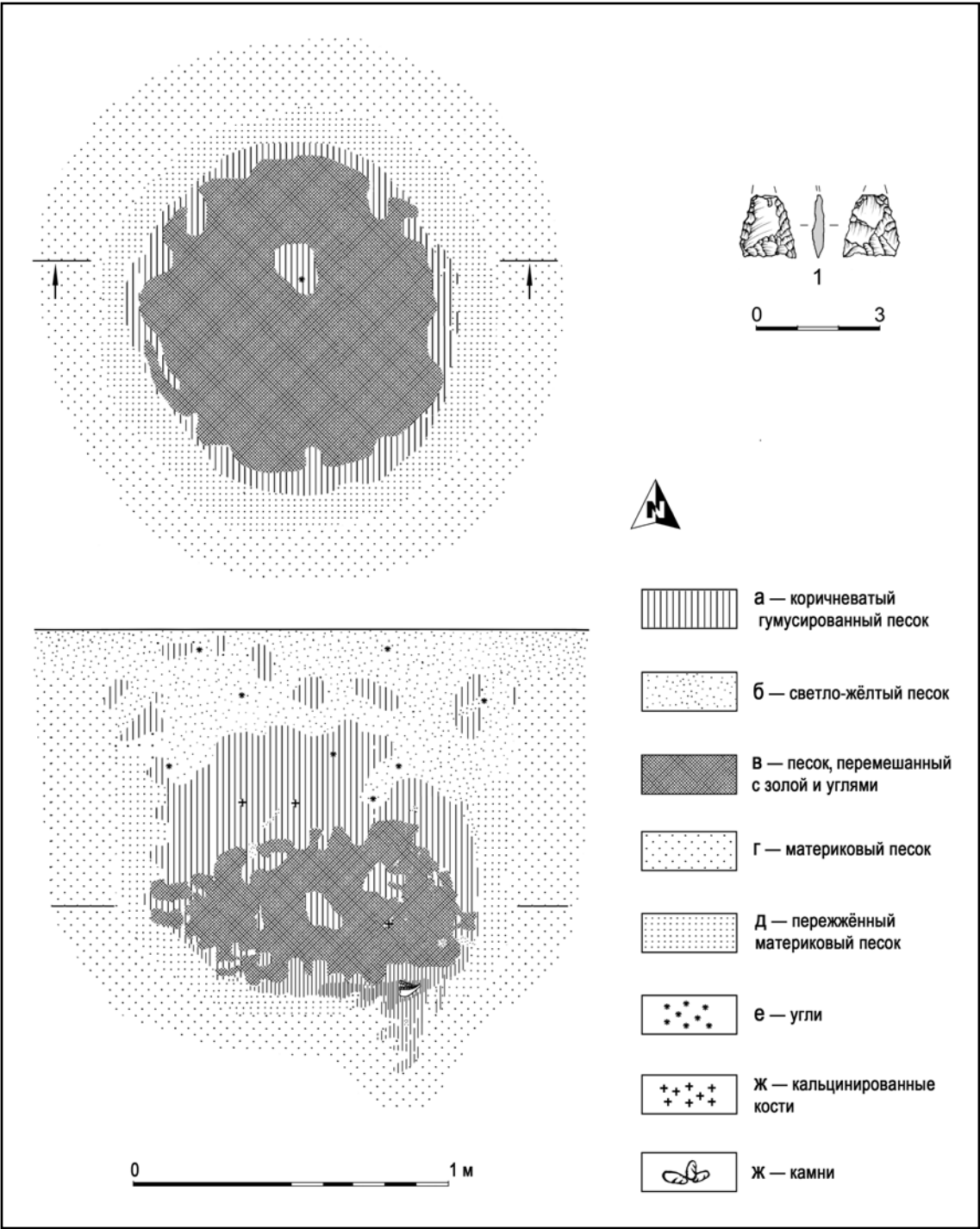

Рис. 2. План, профиль и инвентарь погребения 23. 1 — кремневый наконечник стрелы. Рис. В. Белевец.

Fig. 2. Plan, cross-section and inventory of burial 23. 1 — flint arrowhead. Drawing of V. Beliavets. Legend: a — brownish humus sand; b — light yellow sand; c — sand mixed with ash and charcoals; d — natural sand; e — burnt natural sand; e — charcoals; g — calcified bones; h — stones.

лось, и она была обнаружена лишь при контрольном перекопе. Объект имел округлую в плане форму, $\approx 0,95\text{--}1,0$ м в диаметре, практически вертикальные, слабо закругляющиеся ко дну стенки и плоское дно. Максимальная глубина ямы составила порядка $1,43\text{--}1,45$ м от современной поверхности. В её заполнении чётко выделялись 4 стратиграфические пласта. Верхний, мощностью $\approx 0,60$ м, был образован переотложенным серовато-желтым предматериковым песком с вкраплениями угольков. Ниже тянулся слой слабо гумусир-

ванного светло-коричневого песка. На глубинах 1,05—1,35 м залегал зольноугольный слой, который ближе ко дну ямы сменялся охристо-желтым песком с включениями отдельных углей. На уровне зольно-угольного слоя по периметру ямы и её дну в окружающем слое белёсого материкового песка чётко прослеживались следы прокала: здесь материковый грунт на 15—20 см приобрёл характерный красноватый цвет. На глубине $\approx 1,40$ м, в придонной части ямы у стенки были обнаружены фрагменты черепа человека — остатки челюстей, которые залегали в антропологическом порядке. Из их расположения следует, что тело было уложено головой на северо-восток. По дну ямы в этом направлении грунт имел более тёмную окраску, вероятно, маркируя перегнившие останки скелета. Несмотря на то, что перед засыпкой золой тело было присыпано песком, челюсть и передняя сторона зубов оказались обожжены — ещё одно свидетельство того, что в объекте разводился огонь, или же оно было засыпано раскалёнными углями. В заполнении ямы спорадически встречался также прах и мелкие обломки пережжённых костей человека (собрано 2,3 г).

Антропологическое определение: фрагменты черепа принадлежат ребёнку в возрасте позднего *infans I* (5—6 лет), кальцинированные кости — взрослому мужчине, возраст которого точнее определить невозможно.

Инвентарь:

1. в верхней, слабо различимой части объекта найдена проксиальная часть кремнёвой пластины;

2. на дне ямы, у нижней челюсти с внутренней стороны зубов обнаружен кремнёвый наконечник стрелы — треугольной формы, оформленный ретушью, с обломанным остриём (рис. 2: 1), эпохи позднего неолита — ранней бронзы³.

Мне не известны в вельбарской и родственных культурах аналогичные практики: разведение костра в могильной яме поверх присыпанного тела, или же его засыпка мощным слоем раскалённых углей. Что существенно затрудняет интерпретацию этих обрядовых действий.

Прежде всего, как представляется, нет веских оснований связывать погребение 23 с практикой жертвоприношений. В вельбар-

ской культуре к таковым относят безинвентарные или сопровождаемые единичными вещами объекты, впущенные в погребения с более представительным инвентарём, а также могилы, размещённые внутри «каменных кругов» — как предполагается, мест собраний членов общины на родовом кладбище; неподалёку от них фиксируются также «устрины» — объекты, в которых производилась кремация тел (см. Skóra 2015: 16, 29, 128—130, 148—149). В Петровичах к северу от обсуждаемой нами могилы 23 располагался крупный объект — №26/а (рис. 1: 26/а): яма вытянутой трапециевидной формы, размером $2,35 \times 1,55$ м, треугольная в поперечном сечении. В ней также перед засыпкой, несомненно, горел мощный огонь. На это указывают остатки хвороста (?), уложенного вертикально на боковые стенки ямы, зольно-угольный слой по всему периметру нижней части ямы, а также отчётливые следы прокала в материковом грунте по её периметру. После засыпки в заполнение объекта 26/а было вкопано безинвентарное погребение (?) 26 с единичными кальцинированными костями. Следы прокала грунта в обоих объектах — №26/а и погребении 23 — могут быть не случайными. Соответствия с упомянутыми объектами, открываемыми внутри каменных кругов Польского Поморья, достаточно близки, но ситуация не тождественна. Вероятно, в древности часть погребений могильника Петровичи была обозначена на поверхности крупными камнями или каменными стелами (Белявец 2006: 80; Белевец 2007б: 310—311), тем не менее объектов, которые можно бы было интерпретировать как следы «каменных кругов», на Белой Горе не выявлено.

Более вероятной мне представляется версия о том, что в случае с погребением 23 мы сталкиваемся с проявлениями некой формы охранительной магии, возможно вызванной «плохой смертью» мальчика. Быть может, засыпая могилу раскалённым углём, или разводя огонь в яме над телом ребёнка, его сородичи пытались оградить себя от какой-то угрозы, мнимой ли реальной, скажем, эпидемического заболевания. В пользу этой версии говорила бы также находка во рту, или находившегося первично на шее (подвешенным на ремешке или в мешочке?) кремнёвого наконечника стрелы.

Отдельные изделия и отходы кремнёвой индустрии в Петровичах не являются редкостью: за время раскопок на памятнике их собрано порядка 350-ти. Анализ наиболее вы-

³ Определение канд. ист. наук Н. Кривальцевича, ведущего научного сотрудника Института Истории НАН Беларуси.

разительных из них позволяет заключить, что Белая Гора неоднократно использовалась под кратковременные стоянки, преимущественно в финальном палеолите и мезолите — носителями яниславицкой, кудлаевской и свидерской культур. Материалы эпохи неолита и бронзового века отмечаются реже, а отдельные кремнёвые изделия могут быть отнесены даже к раннему железному веку⁴. В объектах могильника также неоднократно отмечались отходы кремнеобработки, вероятно, переотложенные. Но среди кремневых изделий, полученных на Белой Горе, не было ни одного другого наконечника стрелы, как и не выделено объектов, которые могли бы относиться к эпохе камня и бронзового века. Учитывая относительную редкость на памятнике вещей позднего неолита и эпохи бронзы, а также очень специфичное размещение наконечника стрелы в погребении 23 — под нижней челюстью или во рту ребёнка, — представляется маловероятным, что он оказался в погребении случайно при засыпке ямы.

На памятниках вельбарской и готского круга культур зафиксирована практика преднамеренного помещения в погребения изделий из кремня, относящихся к более ранним эпохам (Natuniewicz-Sekuła, Werra 2014: 207—208). Вероятно, здесь сказывалась особая аура, окружавшая эти таинственные древние предметы, их предполагаемая магическая сила, связь с добыванием огня и, возможно, культом предков. Но я не знаю других случаев помещения в погребения вельбарской культуры кремневых наконечников стрел. Наиболее близкую аналогию здесь можно усматривать в погребении 162 могильника масломенской группы Грудэк Надбужный (Grudek Nadbużny, pow. Hrubieszów, woj. lubelskie), относящемуся к развитому позднеримскому времени. С этой ингумацией взрослого человека связывается наконечник стрелы позднего бронзового века, отлитый из сплава меди (также фрагментированный). Но принадлежность наконечника к этому, повреждённому объекту, не очевидна (см. Kokowski 1993, T. I: 112, T. II: Rys. 136с). Железные же, и изготовленные из сплавов меди наконечники стрел неоднократно были найдены в погребениях вельбарской культуры, культур готского и, шире, «германского» круга. Обнаруживают их в том числе

в детских погребениях, где такие, часто единичные наконечники, рассматриваются преимущественно в контексте обрядов, связанных с инициацией мальчиков и приобщения их к «воинской» культуре (Skóra 2015: 81—82, 297 aneks 4.2).

Мне кажется наиболее вероятным, что в случае петровичского могильника семантика помещения кремневого наконечника стрелы в погребение 23 должна соотноситься с широко распространёнными у индоевропейских народов Евразии верованиями в особую магическую силу подобных предметов — кремневых наконечников стрел и копий, кремневых и каменных топоров, белемитов и др. — и представлениями об их связи с молниями — оружием бога-громовержца. Так, в традиционных верованиях германцев «громовые стрелы», были окружены особой магической аурой, почитались как сакральное оружие «дикого охотника» Одина, которым тот разит своих противников (Афанасьев 2009: 190). Подобное место «Перуновы стрелы» занимали также в культуре славянских народов: каменные наконечники стрел и другие находки, определяемые как «громовые стрелы» рассматривались как дар судьбы, наделялись особой магической силой и широко использовались в качестве талисмана апотропической магии, особенно действенного в отношении детей и женщин, а также в народной медицине — при лечении как людей, так и животных (Гейштор 2014: 91, 267). В пользу представленной интерпретации свидетельствуют и описанные выше специфичные элементы обрядности погребения 23, которые могут интерпретироваться как действия, направленные на «очищение огнём».

Погребение №61, на мой взгляд, также следует рассматривать в контексте специфических магических практик населения вельбарской и, шире, готского круга культур. Происходит из западной части могильника (рис. 1: 61). Оно также выполнено по обряду ингумации (рис. 3). Контур могильной ямы прослежены с глубины $\approx 0,30$ м от древней поверхности. Объект имел вытянутую подпрямоугольную форму с сильно закругленными углами, ориентирован по линии северо-запад — юго-восток, с отклонением около 10° к северу. Длина в верхней части составляла 1,20—1,25 м, ширина — $\approx 0,50$ м, максимальная глубина — 0,95—0,98 м от древней поверхности. Заполнение погребальной ямы образовывал рыжевато-светло-коричневый песок, более темный по центру в придонной части. Скелет не сохранился. Лишь в север-

⁴ Определение кремнёвого инвентаря с могильника Петровичи в разное время выполняли канд. ист. наук Н. Кривальцевич, магистры В. Обуховский, О. Ткачёв и А. Вашанов, которым я хотел бы высказать свою искреннюю признательность.

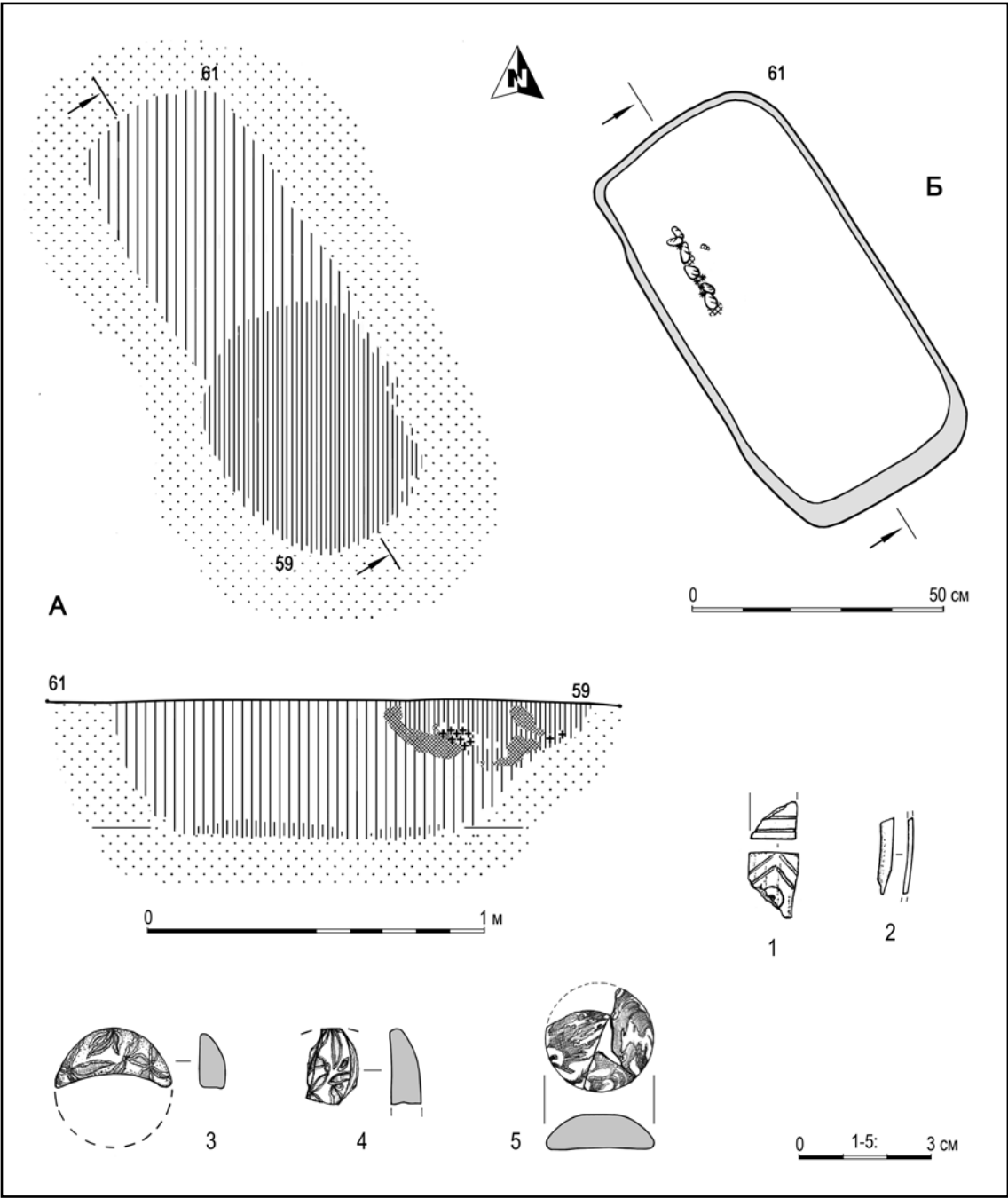

Рис. 3. Планы, профиль и инвентарь погребений 59 и 61. 1, 2 пережжённые фрагменты гребня из рога; 3—5 — фрагменты стеклянных жетонов для игры. Рис. В. Белевец.

Fig. 3. Plans, cross-sections and inventory of burials 59 and 61. 1, 2 burnt fragments of an antler comb; 3—5 — fragments of glass tokens for the game. Drawing of V. Beliaevets.

ной части на дне ямы, со смещением к западу, зафиксированы фрагменты зубной эмали. На этом же уровне, справа от места, где должно было находиться тело, вероятно в области правого плеча, были уложены в ряд вдоль стенки ямы 6 необработанных гранитных камней $\approx 5\text{--}7$ см в поперечнике. Камни были закопаны, около них отмечены угли и зола. Оче-

видно, что они были помещены в яму сильно разогретыми или подверглись термическому воздействию уже в ней, в ходе погребальной церемонии: в результате охлаждения некоторые раскололись на месте, а часть рассыпалась до состояния жерствы.

Несмотря на отсутствие инвентаря, датировка погребения может быть установле-

на достаточно точно исходя из стратиграфических соотношений объектов — в южную часть могилы 61 было вкопано погребение 59, относящееся к фазам B_2/C_1-C_{1a} (около 160—220 гг.).

Погребение №59 (рис. 3: 59). Четко проявилось на глубине 0,25 м от древней поверхности. Яма имела форму, близкую к овальной, размерами 0,60 × 0,50–0,55 м, вытянута по линии северо-запад — юго-восток с отклонением 2—4° к северу. Сегментовидная в сечении: стенки плавно сужались книзу, переходя в округлое дно. Яма была заполнена бурым гумусированным песком с включениями угольков, в нижней части золоугольные включения. По всему её объёму встречались кальцинированные кости. На дне они образовывали выразительное скопление ≈ 10 см в поперечнике. Общий вес костей составил 105 г.

Инвентарь:

1. На дне ямы среди обожженных костей найдены пережжённые обломки спинки и зубчика от рогового гребня (рис. 3: 1, 2): однослойного одно- или многочастного, типов Томас-А или В⁵. Одна из сторон спинки украшена концентрическими кругами и парными линиями, сходящимися под углом над окружностью, а верхний торец спинки — продольными нарезками.

2. Два фрагмента одного (?) стеклянного жетона, выполненного в технике мозаики, один из которых пережжён (рис. 3: 3, 4). В основу из красного непрозрачного стекла утоплены штабы в виде четырех отходящих от центра лепестков. Последние отлиты из прозрачного голубого, а их контур — из матового стекла белого цвета.

3, 4. Осколки не менее двух стеклянных жетонов, выполненных в технике *millefiori*. Часть из них обожженная и деформирована. Один из жетонов поддаётся реконструкции: хлебце-подобной формы, диаметром ≈ 2,5 см, высотой до 0,8 см (рис. 3: 5). Стеклянная масса из нитей полупрозрачного фиолетового и глухого белого стекла, хаотично перемешанных в вязком состоянии.

5. Оплавленный фрагмент стеклянного изделия, вероятно жетона, из глухого бирюзового стекла (≈ 60—70 % объёма).

6. Пережжённые и деформированные обломки стеклянных изделий — бус или жетонов из аналогичного непрозрачного стекла бирюзового цвета. Собраны в 13 точках объёма

могильной ямы. Могли образовывать 8—9 бус средних размеров или 3—4 жетона.

7. Среди обожженных костей найден обломок необработанного обожжённого кремня ≈ 2 см в поперечнике.

Антропологическое определение: мужчина *adultus-maturus*, 30—40 лет.

Датировка⁶: на основании фрагментов гребня типа Т-А или В, объект следует отнести к фазам B_2/C_1-C_{1a} (около 160—220 гг.) (Godłowski 1974: Tab. I: 21, 24; Wołagiewicz 1993: Рys. 1: 37, 68).

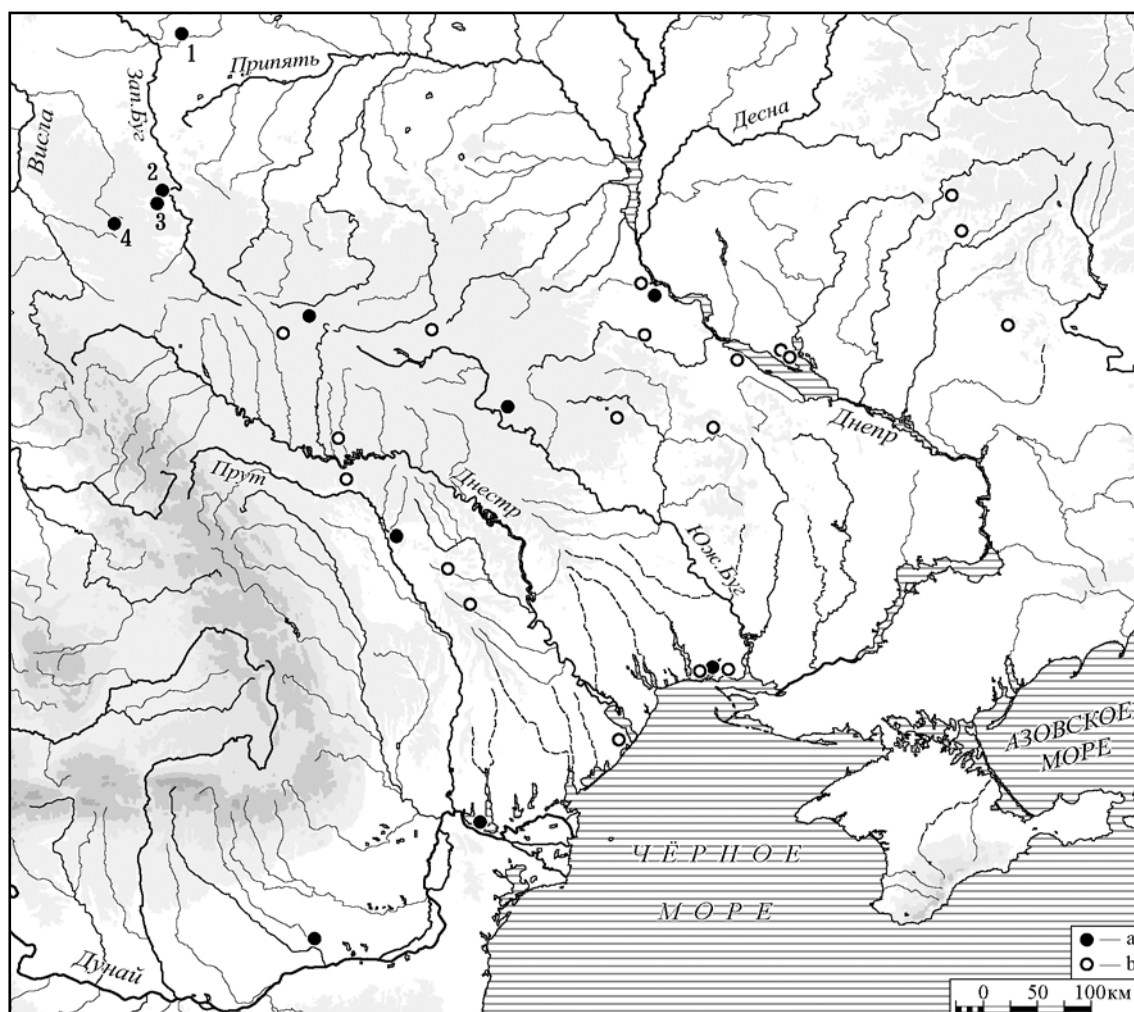
Наиболее интригующими деталями могилы 61 являются пережжённые камни, зола и угольки, располагавшиеся, вероятно, в районе правой руки ребёнка, в сочетании с датировкой объекта — фазами B_2/C_1-C_{1a} .

В работах, широко рассматривающих погребальный обряд вельбарской культуры, обычай целенаправленного помещения групп небольших камней в ингумации не отмечается (см. Skóra 2015b; 2020)⁷. В случаях, когда исследователи всё же фиксируют присутствие небольших камней, в т. ч. на уровне костяков, они оставляются без комментариев, или же предполагается их случайное попадание в могильные ямы (Nasiuniewicz-Sekuła, Okulicz-Kozarzyn 2011: 137). Довольно близкие к интересующему нас элементу обрядности случаи описаны Т. Скорупко по результатам исследования вельбарского могильника Ковалевко-12 (Kowalewko, pow. Nakło, woj. kujawsko-pomorskie), в Великопольше, бассейн р. Одры. В 45-ти из 282-х изученных тут ингумаций были отмечены небольшие камни: как единичные, так уложенные и в группах — преимущественно у голов, но также при других частях тела погребённых. Объекты с этим элементом обрядности известны на всём протяжении использования памятника — с фазы B_2 по C_{1a} (т. е. приблизительно от 70 по 220 гг.). Т. Скорупко не отмечает на этих камнях следов воздействия огня и соотносит их с традицией каменных обставок вокруг погребений, известных в т. ч. в Скании (Skorupka 2001: 223, Tab. 26). В целом, на сегодня нет оснований усматривать истоки ритуальных действий, связанных с помещением в могильную яму небольших разогретых

⁶ При датировке погребения не учтены жетоны для игры: работы по их типологии и датировке сегодня далеки от завершения (см. Krzyżanowska 2020).

⁷ Благодарю доктора К. Скуру (Институт археологии и этнологии ПАН, г. Лодзь) за любезную консультацию относительно трактовки камней в заполнении могильных ям в вельбарской культуре.

⁵ Типология приведена по С. Томас (Thomas 1960).

Карта 2. Могильники черняховской, вельбарской культур и масломенчской группы, на которых были открыты погребения с маленькими камнями в ингумациях (по Тилищак 2016: рис. 1) с дополнениями. 1 — Петровици; 2 — Грудек над Бугом; 3 — Маломенч; 4 — Улюв. Условные обозначения: а — погребения, где камни были найдены на грунте; б — погребения, где камни найдены внутри, под сосудами или были прикрыты фрагментами керамики.

Map 2. Cemeteries of the Chernyakhov, Wielbark cultures and the Małomęcz group, where burials with small stones were discovered in inhumation graves (after Тилищак 2016: рис. 1) with additions. 1 — Piotrovichi; 2 — Gródek nad Bugiem; 3 — Małomęcz; 4 — Ulów. Legend: a — burials where stones were found on the surface; b — burials where stones were found inside grave-pit, under vessels or covered with pottery fragments.

камней, в погребальной традиции населения вельбарской культуры.

Обычай сопровождения ингумированных тел небольшими камнями, в том числе со следами термического воздействия, хорошо известен в погребальной обрядности черняховской/Сынтана-де-Муреш культуры (см. Никитина 1985: 56—57; Магомедов 2001: 32). Отдельно и детально он анализируется В.С. Тилищак в публикации 2016 г. (Тилищак 2016). Такие погребения выступают примерно на трети изученных могильников, от 1—4 до 20-ти объектов на каждом. Суммарно на 2016 г. на 26-ти черня-

ховских некрополях было учтено 111 могил «с камешками». Памятники с этим элементом обрядности в целом равномерно распределены по ареалу культуры (карта 2). Погребальные ямы имеют самую разнообразную конструкцию: «простые», с заплечниками, подбоями и даже единичные катакомбные. Эти ингумации объединяет одна общая черта — северная ориентация покойников (Тилищак 2016: 52—53). В контексте черняховской погребальной обрядности она может указывать на связь как с германским, готским, так и скифо-сарматским, ираноязычным населением (Магомедов 2001: 26—27,

35—39). В бóльшей мере обряд помещения в могилы камешков характерен для погребений женщин и детей и, как правило, сопровождается представительным инвентарём. Чаще всего камешки в них выступают по 1, 2, 3, 7 и 9 штук. Они помещались в могилы внутри глиняных сосудов, могли ими накрываться, или выступали «россыпью». Последний вариант распространён наиболее широко, составляя порядка половины (54) «погребений с камешками», но не отмечен на левобережье Днепра (карта 2: а). Порой такие камни расположены в скоплениях, кучками, и можно предполагать их помещение в яму в некой органической ёмкости. Они могут локализоваться в различных частях ям. Но наиболее распространён вариант, зафиксированный также в Петровичах — справа, в районе плеча или кисти. Примерно в трети случаев отмечаются следы обжига камешков, а также нагар внутри сосудов или следы их вторичного частичного обжига (Тилищак 2016: 52—57).

Среди исследователей черняховской культуры сложился достаточно широкий спектр мнений относительно реконструкции и семантики обрядовых действий, связанных с помещением в могилы камешков. Следует согласиться с представленным В. С. Тилищак критическим анализом, по результатам которого им формулируются две основные возможности: использование таких камешков в сфере игры, гаданий и магических ритуалов, связанных с женской субкультурой; в части же случаев, когда на камнях или связанной с ними керамической посуде зафиксированы следы воздействия огня, они могут интерпретироваться как отражение ритуалов, сопровождавших похорон покойников благовоениями (Тилищак 2016: 50, 56—58). Я не исключал бы также мотива «согревания» в могильной яме тел умерших, которое вполне могло совмещаться с сожжением ароматических трав и смол.

В связи с поиском аналогий элементам обрядности, зафиксированным в петровичском погребении 61, более пристальному вниманию заслуживает вариант черняховских погребений с обожжёнными камнями. Прежде всего, обычай «обкуривания» и/или «согревания» покойников мог иметь в черняховской/Сынтана-де-Муреш культуре большее распространение, поскольку следы воздействия огня на камни или связанные с ними керамические сосуды не всегда чётко фиксируются исследователями (Тилищак 2016: 56). Безусловно, заслуживает внима-

ния замечание В. С. Тилищака о распространённости этого обычая на территории Северного Причерноморья в предшествующее время — в культуре меотов и сармат III—I вв. до н.э. (Тилищак 2016: 56). Возможно, этот обряд был известен и скифам, которые также помещали камни со следами воздействия огня в могилы, прежде всего женские, в том числе в сосудах (см. Дедюлькин 2015: 50, 52). В целом, представляется вероятным, что данный элемент обрядности был усвоен носителями черняховской культуры от субстратного, преимущественно ираноязычного населения Северного Причерноморья. Наиболее ранние, немногочисленные погребения «с камешками» относятся в черняховской/Сынтана-де-Муреш культуре к фазе C₂, и широко представлены на её поздних и финальных стадиях: фаз C₃ и особенно D₁–D₂ эпохи Великого переселения народов, то есть в IV — п.п. V в. (Тилищак 2016: 56). Можно предположить, что обычай распространялся среди черняховцев постепенно, по мере включения в эту культурную общность групп субстратного населения Северного Причерноморья.

Но в свете датировки, предложенной для погребения 61 могильника Петровичи — фазой B₂/C₁–C_{1a} (около рубежа II и III вв.), — мы оказываемся перед дилеммой: предположить неточность этого определения или допустить иную динамику распространения обсуждаемого нами элемента погребальной обрядности в культурах готского круга. В единичном для петровичского могильника случае погребения 61, где зафиксированы обожжённые камни, невозможно категорически исключить неточность датировки, основанной на небольшом фрагменте гребня. Но даже ориентируясь на общую хронологию могильника на Белой Горе — в рамках фаз B₂/C₁–C_{1a}–C₂ (начало C₃?), — мы имели бы дело с ранней на фоне черняховской культуры фиксацией могилы «с камешками» в культурах готского круга.

Всё же есть основания полагать, что предложенная ранняя датировка погребения 61 в Петровичах (фазами B₂/C₁–C_{1a}) верна. Более выразительно, чем в Петровичах, обсуждаемый элемент обрядности проявляется в западной части Побужья. По крайней мере два, не датированные узко, ингумационные погребения с уложенными у тел пережжёнными камешками известны на могильнике вельбарской культуры Улюв-7 (Ulów, gm. Tomaszów, woj. lubelskie) на Росточе (карта 2: 4). Общие хронологические рамки памятника опреде-

ляются фазами C_{1b}/C₂–D₁ (т.е. приблизительно от 220 по 380/400 гг.) (Niezabitowska 2015: 342)⁸. Традиция помещения в ингумации одиночных или групп небольших пережжённых камней, часто в районе правого плеча или кисти, широко распространена в масломенчской группе на могильниках Грудэк Надбужный, о котором уже шла речь, и Масломенч-15 (карта 2: 2, 3) (Masłomęcz, pow. Hrubieszów, woj. lubelskie) (Kokowski 1984: 280—281; 1987: 5; Gładysz et al. 2001: 111, Рис. 1: с, d). Начало использования этого элемента обрядности в Масломенче следует отнести к фазе C_{1a} (Gładysz-Juścińska et al. 2021: 166, Taf. A21: 56)⁹, таким образом — периоду, соотносимо с датировкой петровичского погребения 61 и более раннему, чем в черняховской/Сынтана-де-Муреш культуре.

В целом, представляется вероятным, что на примере специфического элемента обрядности, отмеченного в петровичском 61-м погребении «с камешками», а также хронологически близких погребений масломенчской группы, мы сталкиваемся с примером ранних, обширных связей готов, живших в среднем течении З. Буга, с населением Северного Причерноморья в период, предшествовавший сложению черняховской/Сынтана-де-Муреш культуры. Присутствие этого элемента обрядности может свидетельствовать о включении в состав вельбарских общин Побужья представителей культурно и этнически чуждого, вероятно ираноязычного населения (сарматского или позднескифского) уже в конце II — первых десятилетиях III в.

Литература

- Афанасьев А. Н. 2009. *Славянские колдуны и их свита*. Москва: РИПОЛ классик.
- Белявец В. 2006. Папярэдні вынікі вывучэння грунтовага могілніка вельбарскай культуры Пятровічы (Белая Гара). *ГАЗ* 23, 79—101.
- Белевец В. 2007а. Могильник Брест-Тришин: 30 лет по окончании раскопок. *ААА* 1, 49—85.
- Белевец В. Г. 2007б. К изучению памятников вельбарской культуры в Беларуси. In: Fudziński M., Rapner H. (red.). *Nowe materiały i interpretacje: stan dyskusji na temat kultury wielbarskiej*. Gdańsk: MAG, 293—344.
- Белявец В. Г. 2014. Раскопки 2011—2012 гг. на грунтовым могілніку вельбарскай культуры каля в. Пятровічы (Жабінкаўскі р-н). *МАН* 25, 179—188.
- Белявец В. Г. 2016. Насельніцтва вельбарскай культуры ў гісторыка-культурным развіцці зямель Беларусі рубяжу II/III — пачатку V ст. н.э. В: Левко О. Н., Белевец В. Г. (ред.). *Славяне на тэрыторыі Беларусі в догосударственный период*. Кн. 1. Минск: Беларуская Навука, 384—450.
- Гейштор А. 2014. *Мифология славян*. Москва: Весь Мир.
- Дедюлькин А. В. 2015. «Пращевые» камни в погребениях скифской эпохи. В: Лукьяшко С. И. (отв. ред.). *Война и военное дело в скифо-сарматском мире. Материалы Международной научной конференции, посвящённой памяти А. И. Мелюковой*. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 48—52.
- Кухаренко Ю. В. 1980. *Могильник Брест-Тришин*. Москва: Наука.
- Мончинская М. 1997. Страх перед умершими и культ мёртвых у германцев в IV—VII вв. н.э. (на основании так называемых погребений специфического обряда). В: Вахтина М. Ю., Виноградов Ю. А. (отв. ред.). *Стратум + Петербургский археологический вестник*. Санкт-Петербург; Кишинёв: Научно-образовательный центр «Рудь-Мэтониум»; Бизнес-Элита, 207—213.
- Тилищак В. С. 2014. Вторинні поховання в черняхівській культурі (за матеріалами могілника Чернелів-Руський). В: Івакін Г. Ю. (ред.). *Від ве-недів до Русі. Збірка наукових праць на пошану доктора історичних наук, професора Дениса Никодимовича Козака з нагоди його 70-ліття*. Київ: Майдан, 153—162.
- Тилищак В. С. 2016. Дрібні камінці в інвентарі трупопокладень черняхівської культури. *Черняхівська культура: до 85-річчя від дня народження І. С. Винокура*. *Oium* 5, 50—58.
- Петраускас О. В. 2003. Про один із можливих різновидів трупоспалення на могілниках черняхівської культури. В: Баран В. Д. (ред.). *Старожитності I тисячоліття нашої ери на території України. До 80-річчя з дня народження Є. В. Максимова*. Київ: ІА НАНУ, 114—121.
- Andrzejowski et al. 2002: Andrzejowski J., Żórawska A., Biborski M., Kapla W. 2002. Grób 122 z cmentarzyska kultury wielbarskiej w Jartyporach na Podlasiu. In: Karczewska M., Karczewski M. (red.). *Nowe materiały do badań nad obrządkiem pogrzebowym w gockim kręgu kulturowym. Badania archeologiczne w Polsce Północno-Wschodniej i na Zachodniej Białorusi w latach 2000—2001: materiały z konf.* Białystok: Uniwersytet w Białymstoku, Instytut Historii, 253—268.
- Gładysz et al. 2001: Gładysz M., Juściński M., Kokowski A., Niezabitowska B. 2001. Dwudziestypięć sezon badań na stanowisku nr 15 w Masłomęczu, pow. Hrubieszów. *APŚ* VI, 107—117.
- Gładysz-Juścińska et al. 2021: Gładysz-Juścińska M., Kokowski A., Niezabitowska-Wiśniewska B. oraz Bagińska J., Barakszyn M., Bartecki B., Bienia M., Hanejko S., Hyrczał A., Koperwas M., Kuna J., Kuś G., Lis P., Łuczkiwicz P., Markiewicz T., Mazurek T., Mucha A., Myzgin K., Sadowski S.,

⁸ На могильнике Улюв с обсуждаемой нами обрядностью могут соотноситься также случаи обнаружения в погребениях с кремациями поверх костей скопленных небольших обожжённых камней, первоначально уложенных, вероятно, в неких органических ёмкостях (Niezabitowska 2015: 332).

⁹ Благодарю профессора А. Коковского и доктора Б. Незабитовскую-Вишневу из Университета им. Кюри-Склодовской в Люблине за любезно предоставленную информацию о времени появления погребений «с камешками» на памятниках масломенчской группы.

№4. 2022

- Stasiak-Cyran M., Zawadzki M. 2021. *Corpus der römischen Funde im europäischen Barbaricum. Polen 4. Lubliner Land*. Kraków; Lublin; Warszawa: Polska Akademia Umiejętności, Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej w Lublinie, Uniwersytet Jagielloński, Uniwersytet Warszawski.
- Godłowski K. 1974. Chronologia okresu późnorzymskiego i wczesnego okresu wędrówek ludów w Polsce Północno-Wschodniej. *RB XII*, 9—109.
- Kokowski A. 1984. Cmentarzysko z młodszego okresu wpływów rzymskich w Masłomęczu. *RZ I*, 265—292.
- Kokowski A. 1987. *Grupa masłomecka w okresie rzymskim (III—IV wiek naszej ery)*. Lublin: UMCS.
- Kokowski A. 1995. *Grupa masłomecka: z badań nad przemianami kultury Gotów w młodszym okresie rzymskim*. Lublin: UMCS.
- Kokowski A. 1997. Die Masiomęcz-Gruppe: ihre Chronologie und Beziehungen innerhalb des gotischen Kulturkreis — Ein Beispiel für kulturellen Wandel der Goten in Verlauf ihrer Wanderungen. *BRGK 78*, 641—833.
- Krzyżanowska M. 2020. Drobnie przedmioty szklane — analiza archeologiczna żetonów do gry z okresu wpływów rzymskich z terenu Polski. *WA LXXI*, 251—268.
- Mączyńska M. 2011. Der Völkerwanderungszeitliche Hortfund aus Łubiana, Kreis Kościerzyna (Pommern). *BRGK 90*, 7—481.
- Natuniewicz-Sekuła M. 2007a. Wczesnorzymskie pochówki orientacji zachodniej z cmentarzyska w Weklicach, stan. 7, pow. Elbląg. Przyczynek do analizy zwyczajów pogrzebowych ludności kultury wielbarskiej. In: Fudziński M., Paner H. (red.) *Nowe materiały i interpretacje: stan dyskusji na temat kultury wielbarskiej*. Gdańsk: Muzeum Archeologiczne, 475—495.
- Natuniewicz-Sekuła M. 2007b. Biryntualny (?) pochówek z cmentarzyska kultury wielbarskiej w Weklicach, gm. Elbląg, stanowisko 7. In: Paner H., Fudziński M. (red.), *XV Sesja Pomorzoznawcza*. Gdańsk: Muzeum Archeologiczne, 151—158.
- Natuniewicz-Sekuła M., Werra D.H. 2014. Materiały kzemienne z cmentarzyska kultury wielbarskiej w Weklicach, stan. 7, pow. Elbląski. *WA LXV*, 197—210.
- Niezabitowska B. 2015. Ulów, stanowisko 7 — nowe cmentarzysko kultury wielbarskiej na Roztoczu Środkowym — z badań nad kontaktami kultury wielbarskiej i kultury czarniachowskiej. In: Fudziński M. (red.), *Kontakty ponadregionalne kultury wielbarskiej*. Gdańsk: Muzeum Archeologiczne, 331—362.
- Natuniewicz-Sekuła M., Okulicz-Kozaryn J. 2011. *Weklice. A Cemetery of the Wielbark Culture on the Eastern Margin of Vistula Delta (Excavations 1984—2004)* (Monumenta Archaeologica Barbarica 17). Warszawa: Fundacja Przyjaciół Instytutu Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego.
- Olszta-Bloch M. 2011. Kilkufazowy pochówek z cmentarzyska kultury wielbarskiej na stanowisku 17 w Gostkowie Folsągu, gm. Łysomice, woj. kujawsko-pomorskie. In: Fudziński M., Paner H. (red.), *XVII Sesja Pomorzoznawcza*. T. 1. Gdańsk: Muzeum Archeologiczne, 103—112.
- Skorupka T. 2001. Kowalewko 12 — cmentarzysko biryntualne ludności kultury wielbarskiej (od połowy I w.n.e. do początku III w.n.e.). *System Gazociągów Transzytowych EuRoPol Gaz II 3*. Poznań: MAP — PTP.
- Skorupka T. 2008. *Atypowe pochówki na cmentarzysku w Kowalewku*. In: Wrzesiński J. (ed.), *Czarownice. Funeralia Lednickie — spotkanie 2*. Wydanie II. Poznań: SNAP, 79—85.
- Skóra K. 2014. Trup nieobecny?.. Czyli o brakujących szczątkach kostnych w grobach kultury wielbarskiej. *AAL 60*, 45—68.
- Skóra K. 2015a. Biritual Burials of the Wielbark Culture — Introductory Remarks. In: Gardela L., Kajkowski K. (eds.) *Kończyny, kości i wtórnie otwarte groby w dawnych kulturach. Limbs, Bones, and reopened Graves in past Societies*. Bytów: Muzeum Zachodniokaszubskie, 85—122.
- Skóra K. 2015b. *Struktura społeczna ludności kultury wielbarskiej*. Łódź: IAE PAN.
- Skóra K. 2017. Opening of Graves in the Cemetery of the Wielbark Culture in Kowalewko. A Preliminary Analysis. *FAH 30*, 193—210.
- Skóra K. 2020. *Omnia mors aequat? Soziale Stratigraphien in der Römischen Kaiserzeit und Völkerwanderungszeit im Gebiet der Wielbark-Kultur*. Łódź: IAE PAN.
- Tempelmann-Mączyńska M. 1992. „Specyficzne pochówki” kultury wielbarskiej. *AUL FA 16*, 191—199.
- Thomas S. 1960. Studien zu den germanischen Kämnen der römischen Kaiserzeit. *AFSB 8*, 104—110.
- Żórawska A. 2007. Pochówki cząstkowe z cmentarzyska kultury wielbarskiej w Jartyporach na Podlasiu. In: Fudziński M., Paner H. (red.), *Nowe materiały i interpretacje: stan dyskusji na temat kultury wielbarskiej*. Gdańsk: Muzeum Archeologiczne, 457—474.
- Żychliński D. 2015. *Reopening Graves in Pre-roman and Roman Period in Greater Poland — A (Re)Interpretation*. In: Gardela L., Kajkowski K. (red.), *Limbs, Bones and Reopened Graves in Past Societies*. Bytów: Muzeum Zachodniokaszubskie, 47—84.
- Żychliński D. 2018. W jakim celu powtórnie otwierano groby na cmentarzyskach ludności kultury wielbarskiej w Wielkopolsce? Rozważania na podstawie nekropoli w Kowalewku, pow. Obornicki. In: Niezabitowska B. et al. (eds.), *Studia Barbarica. Profesorowi Andrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznicę urodzin 1*. Lublin: UMCS, 188—200.
- Wołagiewicz R. 1993. *Ceramika kultury wielbarskiej między Bałtykiem a Morzem Czarnym*. Szczecin: Muzeum Narodowe.

References

- Afanas'ev, A.N. 2009. *Slavianskie kolduny i ikh svita (Slavic Sorcerers and their Retinue)*. Moscow: "RIPOl klassik" Publ. (in Russian).
- Belyavets, V. 2006. In *Historychna-arkhealohichny zbornik (Historico-Archaeological Collected Works)* 23, 79—101 (in Belorussian).
- Belevets V. 2007. In *Acta Archaeologica Albaruthenica* 1, 49—85 (in Russian).
- Belevets, V.G. 2007. In Fudziński, M., Paner, H. (red.), *Nowe materiały i interpretacje: stan dyskusji na temat kultury wielbarskiej*. Gdańsk: MAG, 293—344.
- Belyavets, V.H. 2014. In *Materyyaly pa arkealohii Belarusi (Proceedings on the Archaeology of Belarus)* 25, 179—188 (in Belorussian).
- Belyavets, V.H. 2016. In Levko, O.N., Belevets, V.H. (ed.), *Slaviane na territorii Belarusi v dogosudarstvennyi period (Slavs on the Territory of Belarus in the Pre-Statel Period)* 1. Minsk: "Belaruskaya navuka" Publ., 384—450 (in Belorussian).
- Gieysztor, A. 2014. *Mifologija slavian (Mitologia Slavian)*. Moscow: "Ves' mir" Publ. (in Russian).
- Dediul'kin, A.V. 2015. In Luk'yashko, S.I. (ed.), *Voyna i voennoe delo v skifo-sarmatskom mire (War and Warfare in the Scythian-Sarmatian World)*. Rostov-on-Don: Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 48—52 (in Russian).
- Kukharensko, Yu. V. 1980. *Mogil'nik Brest-Trishin (Brest-Trishin Necropolis)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Mączyńska, M. 1997. In Vakhtina, M. Yu., Vinogradov, Yu.A. (eds.), *Stratum+ Peterburgskii arkeologicheskii vestnik (Stratum+ Petersburg Archaeological Bulletin)*. Saint Pe-

- tersburg; Kishinev: "Business-Elita" Publ., 207—213 (in Russian).
- Tylishchak, V.S. 2014. In Ivakin, H. Yu. (ed.). *Vid venediv do Rusi. Zbirnyk naukovykh prats' na poshanu doktora istorychnykh nauk, profesora Denysa Nykodymovycha Kozaka z nahody joho 70-litty (From Veneti to Rus: Collected Papers to the 70th Anniversary of Professor Denis Kozak)*. Kyiv; Kharkiv: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine; "Majdan" Publ., 153—162 (in Ukrainian).
- Tylishchak, V.S. 2016. In *Cherniakhivs'ka kul'tura. Do 85-richchia vid dnia narodzhennia I.S. Vinokura (Chernyakhov Culture: to the 85th Anniversary of I.S. Vinokur)*. Series: Oium 5. Kyiv: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, 50—58 (in Ukrainian).
- Petrauskas, O.V. 2003. In Baran, V.D. (ed.). *Starozhytnosti I tysyacholittya nashoi ery na terytorii Ukraïny (Antiquities of the I Millennium AD on the Territory of Ukraine)*. Kyiv: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, 114—121 (in Ukrainian).
- Andrzejowski, J., Żórawska, A., Biborski, M., Kapla, W. 2002. Grób 122 z cmentarzyska kultury wielbarskiej w Jartyporach na Podlasiu. In Karczewski, M., Karczewski, M. (red.), *Nowe materiały do badań nad obrządkiem pogrzebowym w góckim kręgu kulturowym. Badania archeologiczne w Polsce Północno-Wschodniej i na Zachodniej Białorusi w latach 2000—2001: materiały z konf. Białystok: Uniwersytet w Białymstoku, Instytut Historii, 253—268.*
- Gładysz, M., Juściński, M., Kokowski, A., Niezabitowska, B. 2001. Dwudziestypięć sezon badań na stanowisku nr 15 w Masłomęczu, pow. Hrubieszów. *APŚ VI*, 107—117.
- Gładysz-Juścińska, M., Kokowski, A., Niezabitowska-Wisniewska, B., oraz Bagińska, J., Barakszyn, M., et al. 2021. *Corpus der römischen Funde im europäischen Barbaricum. Polen 4. Lubliner Land*. Kraków; Lublin; Warszawa: Polska Akademia Umiejętności, Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej w Lublinie, Uniwersytet Jagielloński, Uniwersytet Warszawski.
- Godłowski, K. 1974. Chronologia okresu późnorzymskiego i wczesnego okresu wędrówek ludów w Polsce Północno-Wschodniej. *RB XII*, 9—109.
- Kokowski, A. 1984. Cmentarzysko z młodszego okresu wpływów rzymskich w Masłomęczu. *RZ I*, 265—292.
- Kokowski, A. 1987. *Grupa masłomecka w okresie rzymskim (III—IV wiek naszej ery)*. Lublin: UMCS.
- Kokowski, A. 1995. *Grupa masłomecka: z badań nad przemianami kultury Gotów w młodszym okresie rzymskim*. Lublin: UMCS.
- Kokowski, A. 1997. Die Masiomęcz-Gruppe: ihre Chronologie und Beziehungen innerhalb des gotischen Kulturkreis — Ein Beispiel für kulturellen Wandel der Goten in Verlauf ihrer Wanderungen. *BRGK* 78, 641—833.
- Krzyżanowska, M. 2020. Drobne przedmioty szklane — analiza archeologiczna zetonow do gry z okresu wpływów rzymskich z terenu Polski. *WA LXXI*, 251—268.
- Mączyńska, M. 2011. Der Völkerwanderungszeitliche Hortfund aus Łubiana, Kreis Kościerzyna (Pommern). *BRGK* 90, 7—481.
- Natuniewicz-Sekuła, M. 2007. Wczesnorzymskie pochówki orientacji zachodniej z cmentarzyska w Weklicach, stan. 7, pow. Elbląg. Przyczynek do analizy zwyczajów pogrzebowych ludności kultury wielbarskiej. In Fudziński, M., Paner, H. (red.) *Nowe materiały i interpretacje: stan dyskusji na temat kultury wielbarskiej*. Gdańsk: Muzeum Archeologiczne, 475—495.
- Natuniewicz-Sekuła, M. 2007. Birytualny (?) pochówek z cmentarzyska kultury wielbarskiej w Weklicach, gm. Elbląg, stanowisko 7. In Paner, H., Fudziński, M. (red.), *XV Sesja Pomoroznawcza*. Gdańsk: Muzeum Archeologiczne, 151—158.
- Natuniewicz-Sekuła, M., Werra, D.H. 2014. Materiały krzemienne z cmentarzyska kultury wielbarskiej w Weklicach, stan. 7, pow. Elbląg. *WA LXXV*, 197—210.
- Niezabitowska, B. 2015. Ulów, stanowisko 7 — nowe cmentarzysko kultury wielbarskiej na Roztoczu Środkowym — z badań nad kontaktami kultury wielbarskiej i kultury czeraniachowskiej. In Fudziński, M. (red.), *Kontakty ponadregionalne kultury wielbarskiej*. Gdańsk: Muzeum Archeologiczne, 331—362.
- Natuniewicz-Sekuła, M., Okulicz-Kozaryn, J. 2011. *Weklice. A Cemetery of the Wielbark Culture on the Eastern Margin of Vistula Delta (Excavations 1984—2004)* (Monumenta Archaeologica Barbarica 17). Warszawa: Fundacja Przyjaciół Instytutu Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego.
- Olszta-Bloch, M. 2011. Kilkufazowy pochówek z cmentarzyska kultury wielbarskiej na stanowisku 17 w Gostkowie Folsągu, gm. Łysomice, woj. kujawsko-pomorskie. In Fudziński, M., Paner, H. (red.), *XVII Sesja Pomoroznawcza*. T. 1. Gdańsk: Muzeum Archeologiczne, 103—112.
- Skorupka, T. 2001. Kowalewko 12 — cmentarzysko birytualne ludności kultury wielbarskiej (od połowy I w.n. e. do początku III w.n. e.). *System Gazociągów Tranzytowych EuRoPol Gaz II 3*. Poznań: MAP — PTP.
- Skorupka, T. 2008. *Atypowe pochówki na cmentarzysku w Kowalewku*. In Wrzesiński, J. (ed.), *Czarownice. Funeralia Lednickie — spotkanie 2*. Wydanie II. Poznań: SNAP, 79—85.
- Skóra, K. 2014. Trup nieobecny? Czyli o brakujących szczątkach kostnych w grobach kultury wielbarskiej. *AAL* 60, 45—68.
- Skóra, K. 2015. Biritual Burials of the Wielbark Culture — Introductory Remarks. In Gardela, L., Kajkowski, K. (eds.) *Kończyny, kości i wtórnie otwarte groby w dawnych kulturach. Limbs, Bones, and reopened Graves in past Societies*. Bytów: Muzeum Zachodniokaszubskie, 85—122.
- Skóra, K. 2015. *Struktura społeczna ludności kultury wielbarskiej*. Łódź: IAE PAN.
- Skóra, K. 2017. Opening of Graves in the Cemetery of the Wielbark Culture in Kowalewko. A Preliminary Analysis. *FAH* 30, 193—210.
- Skóra, K. 2020. *Omnia mors aequat? Soziale Stratigraphien in der Römischen Kaiserzeit und Völkerwanderungszeit im Gebiet der Wielbark-Kultur*. Łódź: IAE PAN.
- Tempelmann-Mączyńska, M. 1992. „Specyficzne pochówki” kultury wielbarskiej. *AUL FA* 16, 191—199.
- Thomas, S. 1960. Studien zu den germanischen Kämme der römischen Kaiserzeit. *AFSB* 8, 104—110.
- Żórawska, A. 2007. Pochówki cząstkowe z cmentarzyska kultury wielbarskiej w Jartyporach na Podlasiu. In Fudziński, M., Paner, H. (red.), *Nowe materiały i interpretacje: stan dyskusji na temat kultury wielbarskiej*. Gdańsk: Muzeum Archeologiczne, 457—474.
- Żychliński, D. 2015. *Reopening Graves in Pre-roman and Roman Period in Greater Poland — A (Re)Interpretation*. In Gardela, L., Kajkowski, K. (red.), *Limbs, Bones and Reopened Graves in Past Societies*. Bytów: Muzeum Zachodniokaszubskie, 47—84.
- Żychliński, D. 2018. W jakim celu powtórnie otwierano groby na cmentarzyskach ludności kultury wielbarskiej w Wielkopolsce? Rozważania na podstawie nekropoli w Kowalewku, pow. Obornicki. In Niezabitowska, B., et al. (eds.), *Studia Barbarica. Profesorowi Andrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznicę urodzin*. Lublin: UMCS, 188—200.
- Wołgiewicz, R. 1993. *Ceramika kultury wielbarskiej między Bałtykiem a Morzem Czarnym*. Szczecin: Muzeum Narodowe.

Статья поступила в номер 4 апреля 2022 г.

Vadzim Beliaevets (Warsaw, Poland). Candidate of Historical Sciences. University of Warsaw¹.

Vadzim Beliaevets (Varşovia, Polonia). Candidat în științe istorice. Universitatea din Varşovia.

Белевец Вадим Георгиевич (Варшава, Польша). Кандидат исторических наук. Варшавский университет.

E-mail: wadim.bielawiec@gmail.com

ORCID: 0000-0002-4912-7665

Address: ¹ Krakowskie Przedmieście 26/28, 00-927 Warszawa, Poland

Список сокращений

АДСВ	— Античная древность и средние века. Свердловск / Екатеринбург.
АДУ	— Археологічні дослідження в Україні. Київ.
АЕС	— Археология евразийских степей. Казань.
АКИН	— Агентство культурно-исторического наследия. Горно-Алтайск.
АлтГУ	— Алтайский государственный университет. Барнаул.
АН	— Академия наук.
АН СССР	— Академия наук СССР. Москва.
АН УРСР	— Академія наук Української РСР. Київ.
АН УССР	— Академия наук Украинской ССР. Киев.
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург.
АЭАЕ	— Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск.
БГУ	— Белорусский государственный университет. Минск.
БИ	— Боспорские исследования. Симферополь; Керчь.
БИАС	— Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь.
ВАУ	— Вопросы археологии Урала. Свердловск / Екатеринбург.
ВГУ	— Воронежский государственный университет. Воронеж.
ВДИ	— Вестник древней истории. Москва.
ВолГУ	— Волгоградский государственный университет. Волгоград.
ГАЗ	— Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск.
герм.	— (древне)-германский язык.
ГИМ	— Государственный исторический музей. Москва.
ГМВ	— Государственный музей Востока. Москва.
ГМЗ	— государственный музей-заповедник.
ГМИНВ	— Государственный музей искусства народов Востока. Москва.
гот.	— готский язык.
ГРВЛ	— Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». Москва.
ГЭ	— Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург.
ДБ	— Древности Боспора. Москва.
др.-ирл.	— древне-ирландский язык.
ДСПиК	— Древности Степного Причерноморья и Крыма. Запорожье.
ЗВОРАО	— Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Санкт-Петербург.
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса.
ИА ИА НАНУ	— Научный архив Института археологии Национальной Академии наук Украины. Киев.
ИА НАНУ	— Институт археологии Национальной Академии наук Украины. Киев.
ИА РАН	— Институт археологии Российской Академии наук. Москва.
ИАИАИАНД	— Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону. Азов.
ИАКр	— История и археология Крыма. Симферополь.
ИАЭТ СО РАН	— Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук. Новосибирск.
ИБ РАН	— Институт востоковедения Российской Академии наук. Москва.
ИИМК	— Институт истории материальной культуры Российской Академии наук. Санкт-Петербург.
ИИЯЛ УНЦ РАН	— Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской Академии наук. Уфа.
ИМКУ	— История материальной культуры Узбекистана. Ташкент; Самарканд.
ИРГО	— Императорское Русское Географическое Общество. Санкт-Петербург.
ИрГТУ	— Иркутский государственный технический университет. Иркутск.
ИЭА РАН	— Институт этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая Российской Академии наук. Москва.
ИЭРЖ	— Институт экологии растений и животных. Москва.
ІА НАНУ	— Інститут археології Національної Академії наук України. Київ.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии Российской Академии наук. Москва.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Москва; Ленинград / Санкт-Петербург.
ЛНУ	— Львівський національний університет ім. Івана Франка. Львів.
МАБ	— Материалы по археологии Белоруссии. Минск.
МАИАСП	— Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. Нижневартовск.

МАИЭТ	— Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
МАЭ РАН	— Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого «Кунсткамера» Российской академии наук. Санкт-Петербург.
МГУ	— Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Москва.
МДАПВ	— Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Львів.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград.
МИЦАИ	— Международный институт центральноазиатских исследований ЮНЕСКО. Самарканд.
МКТУ	— Международный казахско-турецкий университет имени Ходжи Ахмеда Ясави. Туркестан.
МНМ	— Мифы народов мира. 1991. Т.1, 1992. Т. 2. Москва: Советская энциклопедия.
МРС	— мелкий рогатый скот.
НАВ	— Нижневолжский археологический вестник. Волгоград.
НАНБ	— Национальная академия наук Беларуси. Минск.
НГПУ	— Новосибирский государственный педагогический университет. Новосибирск.
НИР	— научно-исследовательская работа.
НПО	— научно-производственное объединение.
НС МНО	— Нумизматический сборник Московского Нумизматического общества. Москва.
НЦ	— научный центр.
ОГПУ	— Оренбургский государственный педагогический университет. Оренбург.
ОмГПУ	— Омский государственный педагогический университет. Омск.
ОмГУ	— Омский государственный университет. Омск.
ОЭ	— Отделение этнографии.
ПАВ	— Петербургский археологический вестник. Санкт-Петербург.
ПАН	— Польская академия наук. Варшава.
ПИФК	— Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск; Москва.
РА	— Российская археология. Москва.
РАЕ	— Российский археологический ежегодник. Санкт-Петербург.
РАН	— Российская Академия наук. Москва.
РАНХиГС	— Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Москва.
РСМ	— Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. Москва.
РЭ	— Российская энциклопедия.
РЭС	— Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. 2007—. Вып. 1—. Москва: Ин-т рус. яз. РАН
СА	— Советская археология. Москва.
САИ	— Свод археологических источников. Москва; Ленинград.
СВФУ	— Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова. Якутск.
СГСПУ	— Самарский государственный социально-педагогический университет. Самара.
СГЭ	— Сообщения Государственного Эрмитажа. Ленинград / Санкт-Петербург.
СПбГУ	— Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург.
ср.-валл.	— средне-валлийский язык.
СЭ	— Советская этнография. Москва.
ТГУ	— Томский государственный университет. Томск.
ТГЭ	— Труды Государственного Эрмитажа. Ленинград / Санкт-Петербург.
ТОКМ	— Томский областной краеведческий музей. Томск.
ТПП	— транспортно-производственное предприятие.
УрГУ	— Уральский государственный университет. Свердловск / Екатеринбург.
УрО РАН	— Уральское отделение Российской Академии наук. Екатеринбург.
ФИА	— филиал Института археологии.
ХМАО	— Ханты-Мансийский автономный округ.
ХНУ	— Харківський національний університет ім. В.Н. Каразіна. Харків.
ХСб	— Херсонесский сборник. Севастополь.
ЭО	— Этнографическое обозрение. Москва.
ЭССЯ	— Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. 1974—. Т. 1—. Под. ред. О.Н. Трубачёва. Москва: Наука.
ЮНЦ РАН	— Южный научный центр Российской Академии наук. Ростов-на-Дону.
ЮУРГУ	— Южно-Уральский государственный университет. Челябинск.
ЮФУ	— Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону.
ЯГУ	— Якутский государственный университет. Якутск.
ЯНАО	— Ямало-Ненецкий автономный округ.
ААА	— Acta Archaeologica Albaruthenica. Minsk.
AAL	— Acta Archaeologica Lodziensia. Łódź.
ACHCByz	— Association des Amis du Centre d'Histoire et Civilisation de Byzance. Paris.
AFSB	— Arbeits- und Forschungsberichte zur sächsischen Bodendenkmalpflege. Dresden.
APŚ	— Archeologia Polski Środkowoschodniej. Lublin.
AUL FA	— Acta Universitatis Lodziensis Folia Archaeologica. Łódź.
AV ČR	— Akademie věd České republiky. Praha.
BAR	— British Archaeological Reports. Oxford.

№4. 2022

BAR IS	— British Archaeological Reports, International Series. Oxford.
BRGK	— Berichte der Römisch-Germanischen Kommission. Mainz.
Eccl.	— ecclesiasticus, церковный.
FAH	— Fasciculi Archaeologiae Historicae. Budapest.
FMAB	— Fundacja Monumenta Archaeologica Barbarica.
IAE PAN	— Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk. Warszawa.
m	— masculinum, мужской род.
MAG	— Muzeum Archeologiczne w Gdańsku. Gdańsk.
MAP	— Muzeum Archeologiczne w Poznaniu. Poznań.
OE	— Old English, старо-английский.
OHG	— Old High German, древне-верхне-немецкий.
PMA	— Państwowe Muzeum Archeologiczne. Warszawa.
PTP	— Poznańskie Towarzystwo Prehistoryczne. Poznań.
RB	— Rocznik Białostocki. Białystok.
RGZM	— Römisch-Germanisches Zentralmuseum. Mainz.
RZ	— Rocznik Zamojski. Zamość.
UAM	— Uniwersytet Adama Mickiewicza. Poznań.
UMCS	— Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej. Lublin.
WA	— Wiadomości Archeologiczne. Warszawa.